

В. ВЕЙДЛЕ

В. Сирин. «Отчаяние»

Издательство «Петрополис». Берлин

Вместе с «Защитой Лужина» «Отчаяние» представляется мне самым характерным из сирийских романов, наиболее близким к центральному ядру его творчества. Как раз поэтому о нем и нельзя говорить в отдельности, вне связи со всеми другими книгами очень сложного этого писателя, которого привыкли у нас судить сплеча, о котором и поклонники и враги повторяют почти всегда одни и те же примелькавшиеся фразы и который несомненно заслуживает с нашей стороны гораздо более пристального внимания. Рецензии об «Отчаянии», в сущности, писать не стоит. Все, кто не потерял еще интереса к русской литературе, этот роман прочли или прочтут. Все, кто еще не утратил чувства словесной новизны и меткости в русской прозе, оценят огромное дарование его автора. Дальше начнутся разногласия, а по поводу этой одной книги о них-то как раз и бесплодотворно рассуждать. Ограничусь поэтому простым указанием на одну лишь черту, ту самую, что особенно роднит «Отчаяние» с «Защитой Лужина».

Тема творчества Сирина — само творчество; это первое, что нужно о нем сказать. Сogleдaтaй (в повести того же заглавия), шахматист Лужин, собиратель бабочек Пильграм, убийца, от лица которого рассказано «Отчаяние», приговоренный к смерти в «Приглашении на казнь» — все эти разнообразные, но однородные символы творца, художника, поэта. Внимание Сирина не столько обращено на окружающий его мир, сколько на собственное «я», обреченное, в силу творческого призвания своего, отражать образы, видения или призраки этого мира. Бессознательные или осознанные мучения этого «я», какое-то беспомощное всемогущество его, непрошенная власть над вещами и людьми, которые на самом деле совсем не вещи и не люди, а лишь порождения его собственного произвола, от которых ему тем не менее некуда бежать, — таково по-разному выраженное, нетож-

дественное в глубине содержание всех перечисленных рассказов и романов, отнюдь не предрешающее, конечно, внешней их фабулы и без труда соединяемое (например, в «Приглашении на казнь») с мотивами совсем иного рода. Другие книги, более автобиографические по основному использованному в них материалу (как «Машенька» и «Подвиг») или непосредственно отражающие механизированный современный мир (как «Король, дама, валет» и «Камера обскура»), не относятся, несмотря на все свои достоинства, к главному, что он создал и что призван был создать. Видения отрочества и противопоставляемая им бездушная городская суeta встречаются, и в «Лужине» и в «Отчаянии», но здесь они соединяются с тем основным душевным опытом, что дает сирийскому искусству его самый сокровенный и самый личный смысл.

Замысел «Отчаяния» — сложно задуманное преступление, все же выдающее преступника в результате пустяковой оплошности его — кажется на первый взгляд вполне рассудочным и доступным детективного романа. Однако волнение, проникающее в самый ритм повествования и языка, уже свидетельствует о многопланности постройки, и надрывный тон, взвинченный с первых же строк до крайнего напряжения, относится и к автору, а не только к его герою. Стремление переселиться в собственного двойника, вывернуть наизнанку окружающую рассказчика действительность, совершить в убийстве как бы опрокинутое самоубийство, и наконец неудача всего замысла, обнаружение за всеми фикциями и призраками, за распавшейся действительностью и разрушенной мечтой голой, трепещущей, обреченной на смерть душевной протоплазмы — разве все это не сводится к сложному иносказанию, за которым кроется не отчаяние корыстного убийцы, а отчаяние творца, неспособного поверить в пред-мет своего творчества? Это отчаяние и составляет основной мотив лучших сирийских творений. Оно роднит его с самым показательным, что есть в современной европейской литературе, и оно же дает ему в русской то место, которое кроме него некому занять. Об этом можно и следовало бы сказать еще гораздо больше, сопоставить с концом «Отчаяния» смерть Пильграма и прыжок Лужина в разбитое окно, но и самого наличия этой одной черты достаточно, чтобы запретить нам относиться к Сирину всего лишь как к неотразимому виртуозу, все равно придаем ли этому слову порицающий или хвалебный смысл.

